

УДК 141.82:316.343:316.32

## ПОСТКОММУНИЗМ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАРКСИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ

В. А. ГУТОРОВ<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Санкт-Петербургский государственный университет,  
Университетская набережная, 7–9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Рассматриваются актуальные аспекты интерпретации марксистской традиции в посткоммунистическом политико-философском дискурсе. Отмечается, что многие из возникших идей, которые с 1990-х гг. стали достоянием новой социальной философии посткоммунизма, имели важное значение для разработки как не лишенных идеологической ангажированности принципов анализа, так и основных векторов политики. При этом философы и ученые, обращавшиеся к ревизии истоков социальной философии марксизма, нередко и весьма настойчиво стремились обосновать идеи, возникшие еще в 1920-е гг. (Н. А. Бердяев, К. Манхейм и др.).

**Ключевые слова:** марксизм; посткоммунизм; социальная философия; политическая идеология; историческая традиция.

## POST-COMMUNISM AND SOME PROBLEMS OF INTERPRETATION OF THE MARXIST TRADITION

V. A. GUTOROV<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Saint Petersburg State University,  
7–9 Universitetskaya naberezhnaya, Saint Petersburg 199034, Russia

The article examines the actual aspects of the interpretation of the Marxist tradition in post-communist political and philosophical discourse. It is noted that from the 1990s many of the emerging ideas, which became the property of a new social philosophy of post-communism, were of great importance both for the development of principles of analysis that are not devoid of ideological bias and for the main vectors of politics. At the same time, philosophers and scholars who turned to the revision of the origins of the social philosophy of Marxism, quite often and very persistently tried to justify the ideas that arose in the 1920s (N. A. Berdyaev, K. Mannheim and others).

**Key words:** Marxism; post-communism; social philosophy; political ideology; historical tradition.

Пересмотр наследия К. Маркса в посткоммунистический период истории стран Центральной и Восточной Европы, а в дальнейшем и России, изначально становится важнейшей составной частью трансформации идеологического дискурса, в структуре которого интеллектуальное мифотворчество играло весьма существенную роль. Х. Видра в предисловии к сборнику статей с характерным

названием «Демократия и миф в России и Восточной Европе» справедливо отмечал: «В то время как Россия до 1917 г. создала “бутафорский конституционализм”, Восточная Европа видела неудавшиеся демократические эксперименты. Коммунистическая власть в России и Восточной Европе после 1945 г. полагалась на конституционные мифы, культ личности и догматический марксизм-ленинизм,

---

### Образец цитирования:

Гуторов ВА. Посткоммунизм и некоторые проблемы интерпретации марксистской традиции. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;3:9–15.

### For citation:

Gutorov VA. Post-communism and some problems of interpretation of the marxist tradition. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2018;3:9–15. Russian.

---

### Автор:

**Владимир Александрович Гуторов** – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии.

### Author:

**Vladimir A. Gutorov**, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of theory and philosophy of politics, faculty of political science.  
gut-50@mail.ru

а равным образом и на эсхатологический миф о переходе к коммунизму. Соответствующая литература о демократизации в посткоммунистической Восточной Европе не только скрывала этот парадокс, но и использовала его в целях навязывания программы истины. Демократия была сведена к институционализации, основанной на интересах партийной политики, руководимой интересами и знаниями просвещенных элит, которые смастерят, разовьют и консолидируют демократию. <...> В условиях отсутствия при коммунизме класса частных собственников в Центральной Европе другая социальная страта – культурная буржуазия (*Bildungsbürgertum*) – возложила на себя историческую миссию строительства капиталистического экономического порядка. Капитализм вступил в Восточную Европу не через профессиональную элиту, но опираясь на гуманистически ориентированных интеллектуалов»<sup>1</sup> [1, р. 2].

Нелишним будет вспомнить, что многие исходные идеи о природе посткоммунизма и причинах «системного провала» социализма в конце XX в. приходили в Россию с Запада, формируя основные линии интерпретаций нашего недавнего прошлого [2]. Истоки данной традиции восходят к теоретическим дискуссиям и идеологическим спорам, возникшим после Второй мировой войны. Вторая половина XX в. отмечена поразительными перепадами общественного сознания. Победа над фашизмом, вызвавшая всеобщую эйфорию, породила надежду на окончание идеологической и политической конфронтации коммунизма и социализма. Однако с началом холодной войны эсхатологические ожидания довольно быстро трансформировались в уже давно ставшие традиционными шпенгерианские предчувствия «заката Европы» и всей западной цивилизации. Характер, тональность, векторная направленность и временная последовательность интеллектуальных трансформаций такого рода постоянно варьировались и нередко определялись чисто индивидуальными изменениями настроений и предпочтений того или иного теоретика. Например, Питирим Сорокин, который в 1941 г. в работе «Кризис нашей эпохи» утверждал, что «процветание и благосостояние становятся во многих странах только достоянием памяти, свобода – только мифом; западная культура покрывается мраком» и «гигантский торнадо пронесется над всем человечеством», окончательно сметая всякие надежды на «однолинейный прогресс» [3, р. 14–15], уже в 1944 г., накануне победы во Второй мировой войне, в книге «Россия и Соединенные Штаты» выдвинул крайне оптимистичный прогноз, в соответствии с которым «американский капитализм и русский коммунизм в настоящее время являются не более чем призраками своего недавнего про-

шлого», постепенно превращаясь в «общество интегрального типа» (см. [4]).

Подобные моменты анализа глобальных тенденций современности в социологической литературе того времени, конечно, не были случайными. Как справедливо отмечал С. Фуллер, «главное устремление социологии и социальных наук в целом состояло в том, чтобы со всей полнотой способствовать реализации обещания Просвещения XVIII в. “создать рай на земле”» [5, р. 1]. В чисто научном плане это устремление выражалось «в систематической секуляризации и обнаучивании (ориг. *scientization*. – В. Г.) монотеизма, способствовавших усилению привилегированного положения человеческих существ, сотворенных по образу и подобию Бога» [5, р. 1]. Такому пониманию социальными науками на Западе собственной миссии (в предельно идеологизированных общественных науках в советской России, а в послевоенный период и в странах «народной демократии», коммунистическая утопия «земного рая» была исходной точкой практически любого теоретизирования) помогало и то обстоятельство, что после Второй мировой войны возникает тенденция к формированию структуры «государства всеобщего благоденствия», которая способствовала «установлению равновесия между капиталистическими и социалистическими эксцессами даже среди таких наций, как Великобритания и США, отличавшихся сильными либертарианскими традициями» [5, р. 3]. Как непосредственное следствие этих процессов постепенно возникало убеждение относительно того, что между идеологиями социалистического типа и идеологическими направлениями, ориентированными на поддержку традиционных капиталистических структур, не существует непреодолимой пропасти. Именно это убеждение стало одной из основ концепции деидеологизации.

О том, что в западных обществах во второй половине XX в. сформировался достаточно высокий уровень идейно-политического консенсуса, в равной степени свидетельствовали и западноевропейский, и североамериканский опыт. Ограничиваясь защитой лишь наиболее общих ценностей западной цивилизации и не затрагивая ни глубинных основ мировоззрения, ни даже политических предпочтений, этот консенсус являлся вполне достаточным основанием для формирования многообразных идеологических гибридов. В 1960–70-е гг. многие исследователи, даже консервативно настроенные американские политологи, были склонны с полным вниманием относиться к перспективе слияния преимуществ рыночной экономики с теорией и практикой западноевропейской социал-демократии. Например, С. М. Липсет – один из видных консервативных теоретиков и ученых, пользовав-

<sup>1</sup>Здесь и далее перевод наш. – В. Г.

шийся вследствие бесспорных заслуг перед политической наукой большой популярностью в академических кругах, – анализируя проблему «конца идеологии» и предвещая в 1963 г. в работе «Революция и контрреволюция» наступление нового периода идеологической интеграции отмечал: «Классовые конфликты по вопросам, связанным с разделом всего экономического пирога, влиянием на различные институты, символический статус и возможности, не только продолжаются и при отсутствии *Weltanschauungen*, но и... упадок таких тотальных идеологий не означает приближение конца идеологии. Точнее, приверженность политике прагматизма; правилам игры, определяющим коллективное соглашение; постепенным изменениям в направлении, поддерживаемом левыми или правыми; оппозиции как всеобъемлющему централизованному государству, так и *laissez-faire* являются составными частями идеологии. “Примирение фундаментальных принципов”, идеологический консенсус западного общества в настоящее время постепенно приводит к взаимопроникновению позиций по вопросам, которые когда-то резко отделяли “левых” от “правых”. Это идеологическое соглашение, которое, возможно, лучше всего назвать “консервативным социализмом”, стало идеологией ведущих партий в развитых государствах Европы и Америки» [6, p. 555].

О прочности такого рода взглядов, уходящих корнями в традицию либеральной политической философии Д. С. Милля, свидетельствует и тот факт, что даже после того, как в американской политике в конце 1970-х гг. верх взяла неоконсервативная тенденция, М. Новак, один из ее главных выразителей (ставший сотрудником госдепартамента в администрации Р. Рейгана), вполне сочувственно комментировал выводы М. Харрингтона (политического теоретика-социалиста, автора самого термина «неоконсерватизм»), согласно которым «многие из духовных реальностей, претендовавшие на то, чтобы носить имя “социализм”, были реализованы под другим именем, под именем “Америка»» [7, p. 139; 8, p. 118]. В книге «Сумерки капитализма» М. Харрингтон, в частности, очень рельефно выделил одну из наиболее характерных особенностей восприятия самой идеи капитализма теоретиками послевоенного времени: «Капитализм обладает исключительной приспособляемостью, он совместим с самым широкомасштабным, даже тоталитарным планированием» [9, p. 219]. В этом плане теория «постиндустриального общества» Д. Белла, равно как и концепция «государства всеобщего благоденствия», являются, по мысли М. Харрингтона, «в сущности, обобщением кейнсианского опыта» [9, p. 219]. Идею «кейнсианского следа» в экономических капиталистического и социалистического типа постоянно развивал и Роберт Низбет: «Замечатель-

ный комментарий к истории современного социализма состоит в том, что почти все современные технологии, используемые в современном национальном планировании, будь то Англия, США или же Советская Россия, являются в основном продуктами капиталистических наций военного времени... *Мы должны иметь государство, в той или иной степени использующее планирование.* Альтернативой в экономической, военной и политической сферах общества, которые мы сформировали, будет просто хаос» [10, p. 68–69].

Наиболее всеобъемлющую характеристику исходных предпосылок, определяющих прогрессивный характер такого рода эволюции, неизбежно выдвигавшей на передний план тенденцию к усилению планирования и государственного регулирования в экономической и социальной сферах, давал в своих работах 1960-х гг. французский социолог Ж. Эллюль, разделявший многие аспекты консервативной традиции, так же как и С. М. Липсет, Р. Низбет и М. Харрингтон. В книге «Технологическое общество» он утверждал: «Я готов признать, что в идеальном обществе связь между планом и государством не является необходимой, равно как и то, что необходимость в наказаниях исчезает в том случае, когда индивид существует сам по себе. Но это не заставляет меня верить в такой идеал и принимать его в качестве реальности. Фактически я только отмечаю, что техника знания порождает и делает необходимой технику действия, а техника действия предполагает определенные условия и направления развития в соответствии с истинным законом, который может быть назван законом расширения планирования. Такое расширение планирования не обязательно приводит к социалистическому обществу. Частная собственность на средства производства не нуждается в изменениях для того, чтобы иметь плановую экономику. Равным образом планирование не порождает с необходимостью диктаторское государство. Использование санкций и пропаганда могут быть приспособлены к иным формам, отличным от диктатуры. Но когда техника вторгается в определенную область в связи с планированием, тогда она полностью воздействует на все структуры ее управления. Бесплезно устанавливать для нее пределы или искать какие-либо другие процедурные формы. <...> Представляется, что сегодня мы не можем избегать фактов. И факты направляют нас в сторону плановой экономики независимо от наших теоретических суждений по данной проблеме. Часто также ставится вопрос: “Возможно ли, после долгих периодов плановой экономики повернуть эту тенденцию в противоположном направлении?” Но это уже другая проблема» [11, p. 183–184].

Концепции технологического общества и постиндустриального общества неизбежно создавали

в перспективе весьма своеобразную идеологическую и философскую основу для реабилитации марксизма и его основоположника. М. Харрингтон не случайно дал одной из глав своей книги «Сумерки капитализма» весьма афористичное название: «Марксизм недопонимает самого себя» [9, р. 35]. Сформулированный М. Харрингтоном афоризм на все последующие десятилетия стал основой для бесчисленных комментариев, авторы которых так или иначе пытались разъяснить смысл этого «недопонимания». Так, например, американский философ и социолог Г. Эллиотт, автор многочисленных работ, посвященных неомарксистской традиции в современной общественной мысли, следующим образом комментировал очередное возрождение интереса к теории социального прогресса К. Маркса в связи с широкомасштабным празднованием 150-летия «Коммунистического Манифеста»: «Согласно Эрику Хобсбауму, автору введения к переизданию текста («Коммунистического Манифеста». – В. Г.) в 1998 г., в нем представлена “выразительная характеристика капитализма конца XX в.” Это суждение разделял и Гарет Стедман Джонс, полагающий, что в “Манифесте” содержится “краткое, но до сих пор непревзойденное описание современного капитализма”. Но наделенный уникальным даром предвидения в отношении капитализма Маркс, и это мнение в некотором плане разделяют все без исключения, весьма странно ошибался относительно коммунизма. Если капитализм – это реальность, то когда же наступает коммунизм? Одно единственное послание, которое безошибочно проступает в тексте, заключается в следующем: коммунизм является неотъемлемым свойством капитализма. Далее следует отстаивать современность “Коммунистического Манифеста” путем его переформулирования как не-манифеста. Без коммунизма он может рассматриваться как первый пример, содержащий слабое или, если угодно, неискреннее порицание» [2, р. 1–2]. На наш взгляд, данная формула Г. Эллиотта представляется одним из лучших методологических и историософских оснований теории деидеологизации и в определенном плане проливает свет на то важное обстоятельство, что большинство новейших попыток полемики с наследием К. Маркса основаны на органическом соединении идеологических конструкторов с критикой различных версий прогресса.

Типичным примером данной тенденции является полностью политизированная версия «академической эсхатологии», представленная в книге Ф. Фукуямы «Конец истории». Свою известную формулу, гласящую, что либеральная демократия может составлять «конечный пункт идеологической эволюции» и «финальную форму человеческого правления», тем самым обозначая «конец истории» [13, р. 11], он противопоставлял фунда-

ментальному «историческому пессимизму» XX в., одной из главных причин которого стал трагический опыт практической реализации марксистской теории. Ф. Фукуяма отмечает: «Использовать идею “Истории” Маркса для того, чтобы оправдать террор в Советском Союзе, Китае и других коммунистических странах, означает придавать этому слову особенно мрачное сопутствующее значение. Представление о том, что история является однонаправленной, имеющей значение, прогрессивной или даже поддающейся пониманию, оказалось чуждым для многих направлений мысли нашего времени» [13, р. 69].

Прогностическая аналитика Ф. Фукуямы и разгоревшаяся вокруг нее глобальная дискуссия стали очередным доказательством латинского афоризма *nil novi sub luna* («ничего нового не рождается под луной»), поскольку в наиболее существенных чертах и аналитика, и дискуссия лишь воспроизвели в обновленном виде обозначенные выше старые споры, связанные с теорией деидеологизации и теорией нового индустриального общества. Новизна модификаций определялась прежде всего тем, что, как отмечал С. Фуллер, «третья четверть XX в. запомнится двумя тенденциями, которые оттеняли глубину выражения Элвина Гоулднера “военизированное государство благоденствия” (ориг. *welfare-warfare state*. – В. Г.): беспрецедентная экспансия возможностей для всеобщего разрушения в различных регионах мира, соответствующая беспрецедентному перераспределению политических и экономических ресурсов как внутри отдельных государств, так и в международном масштабе. В терминах *Realpolitik* эти две тенденции представляли собой альтернативные стратегии устрашения – угрозы и различные виды подкупа – в мире, в котором большие группы людей фундаментально не доверяют друг другу» [5, р. 3].

Следует подчеркнуть, что начиная с 1990-х гг. многие из этих идей становились достоянием посткоммунистического научного и философского дискурсов, имели важное значение как для разработки новых, не лишенных идеологической ангажированности принципов анализа, так и для выбора основных векторов политики. Предпочтение отдавалось преимущественно тем методологиям, в рамках которых осуществлявшаяся под лозунгами демократизации трансформация коммунистической олигархии в посткоммунистическую могла быть осмыслена на уровне «респектабельного» понимания основных тенденций современного мирового политического процесса, имманентно порождавших в условиях глобализации всеобщий кризис демократических институтов и традиций. Ученым не могла не импонировать, например, позиция неомакиавеллистов относительно природы современной демократии, которую весьма сочувственно

обобщал в своих лекциях Р. Арон: «Так называемые демократические режимы, как объясняют макиавеллисты, на деле не что иное, как олигархии особого рода – плутократические. Владельцы средств производства прямо или косвенно влияют на тех, кто вершит государственными делами. Итак, очевидный, принимаемый и макиавеллистами факт: *режим, который в каком-либо смысле не был бы олигархическим, немислим*. Сама сущность политики такова, что решения принимаются для всего общества, но не им самим в целом. Решения и не могут приниматься сразу всеми. Народовластие не означает, что вся масса граждан непосредственно принимает решения о государственных финансах или внешней политике. Нелепо сопоставлять современные демократии с идеальными представлениями о неосуществимом режиме, при котором народ правит сам собой. Зато полезно сравнить существующие режимы с возможными. Это в равной мере относится к критике режимов советского типа с позиций макиавеллистов» [14, с. 108–109].

Другим весьма популярным источником, закреплявшим в 1990-е гг. в российском политическом дискурсе макиавеллистские стереотипы мысли, стали философские идеи социологии Пьера Бурдьё. Несмотря на определенный налет политического идеализма, связанного с несколько преувеличенной оценкой степени революционного радикализма польских и чешских диссидентов, ставших на рубеже 1980–90-х гг. основой посткоммунистической элиты, П. Бурдьё удалось вслед за М. Вебером и В. Парето обосновать на новом социологическом материале принципиально важную мысль о том, что идеологические концепты и клише нередко являются лишь фетишистским прикрытием собственного любым политическим режимам механизма делегирования, способствующего институционализации или объективации политического капитала и его «материализации в политических «машинах», постах и средствах мобилизации» [15, с. 215]. П. Бурдьё утверждал: «В отличие от того, что подразумевают обычно при противопоставлении «тоталитаризма» и «демократии», мне думается, что различие между советским режимом в том аспекте, который нас здесь интересует, и режимом партий, который превозносят под именем демократии, есть лишь различие в степени, и что в действительности советский режим представляет собой самую крайнюю ее степень. Советизм нашел в марксизме концептуальный инструментарий, необходимый для обеспечения легитимной монополии на манипулирование политическими речами и действиями (если позволить себе воспользоваться знаменитой формулой Вебера по поводу Церкви). Я имею в виду такие изобретения, как «научный социализм», «демократический централизм», «диктатура пролетариата» или, *last but not least*,

«органичный интеллектual», – это высшее проявление лицемерия священнического звания. Все эти концепты и та программа действия, которую они определяют, направлены на обеспечение доверенному лицу, монополизирующему власть, двойной легитимности – научной и демократической» [15, с. 311–312].

В постсоветский период весьма соблазнительно было объяснять причины краха марксистской идеологии и ее стремительную эрозию в общественном сознании с помощью исторической схемы общей деградации левых идеологий в XX в., разработанной Р. Ароном еще в конце 1950-х гг. в работе «Опиум интеллектualов»: «Левые родились и приобрели свой облик в оппозиции, они были детьми этой идеи. Они отрицали социальный порядок, который, как и все человеческие вещи, действительно был несовершенен. Но как только левые победили и стали, в свою очередь, ответственными за существующее общество, правые, которые теперь идентифицировались с оппозицией и контрреволюцией, без особого труда могли продемонстрировать, что левые представляли не свободу против власти и не народ против привилегированного меньшинства, но одну власть против другой, один привилегированный класс против другого» [16, р. 17].

Такова общая картина, характеризующая исходные идеологические параметры посткоммунистических дискуссий в области политической теории. Отталкиваясь от них, можно констатировать, что сегодня в посткоммунистическом политико-философском дискурсе «возврат к прошлому» ни в научном, ни в идеологическом плане не может сопровождаться возвратом к марксизму в любой из его современных форм. Многие интеллектualы и гуманитарии так же хорошо усвоили все опасности увлечения философией марксизма, как это в свое время сделал Л. Колаковский, просто и рельефно поведавший в одном из интервью 1990-х гг. о причинах своего первоначального увлечения марксистскими формулами: «Как вы знаете, поворот к марксизму всегда был двойным поворотом. <...> Марксизм привлекал меня, как и многих других людей, тем, что он, как виделось, предлагал рациональное и, вместе с тем, несентиментальное видение истории, в рамках которого все было объяснено... не только прошлое, но и будущее становились в равной степени прозрачными... Сартр однажды сказал, что марксисты были ленивы именно в том смысле, что марксизм, особенно в его упрощенной, примитивной форме, долгие годы господствовавший как политическая идеология, было легко изучать» [17, р. 342].

Однако это означало также, что, отказавшись от простых идеологических формул, интеллектualы не могли не натолкнуться на дилемму, подобную той, которая сравнительно недавно была вновь

очень пластично сформулирована М. Гоше: «Если мы действительно вынуждены раз и навсегда отказаться от марксизма, то что же тогда должно занять его место? А это уже как раз является основной заботой политической философии» [18, с. 12].

Парадоксальность ситуации как раз и состоит в том, что на рубеже XX–XXI вв. философы и ученые, обращавшиеся к ревизии истоков социальной философии марксизма, нередко и весьма настойчиво стремились обосновать идеи, возникшие еще в 1920-е гг. При этом они иногда даже не подозревали, что пальма первенства в этом направлении, по всей вероятности, принадлежит Н. А. Бердяеву, следующим образом обосновавшему в эссе «Новое средневековье» представление о К. Марксе как об антидемократически настроенном консервативном моралисте: «Маркс был коммунистом. Он не был социал-демократом. И никогда Маркс не был демократом. Пафос его существенно антидемократический. “Научный” социализм возник и вошел в мысль и жизнь народов Европы не как демократическое учение. Также не демократичен и антидемократичен был и утопический социализм Сен-Симона, который был реакцией против французской революции и во многом родственен был духу Ж. де Местра. Демократия и социализм принципиально противоположны» [19, с. 62].

Случайно это или нет, но год спустя аналогичный «диагноз» К. Марксу был поставлен К. Манхеймом. Он также отмечал в работе, посвященной феномену консерватизма, что «пролетарская мысль во многих пунктах родственна мысли консерватив-

ной и реакционной, поскольку, исходя из совершенно отличных основных целей, оказывается вместе с консервативной мыслью в оппозиции к целям капиталистического мира буржуазии, абстрактности ее мышления» [20, с. 590]. Несколько десятилетий спустя та же идея была воспроизведена почти буквально в первом томе работы Л. Колаковского «Основные направления марксизма». Польский философ отмечал: «В основных чертах своей критики капиталистического общества Маркс является наследником романтического движения. Романтики атаковали индустриальное общество с консервативных позиций, оплакивая утрату “органических” связей и привязанностей, и тот факт, что человеческие существа сталкиваются друг с другом не как индивиды, но как представители внеличностных сил и институтов или власти денег» [21, р. 409].

Следует отметить, что сама форма аргументации Л. Колаковского воспроизводила не только ставшие уже традиционными суждения о связи марксизма с европейской романтической консервативной традицией, но и довольно характерные топоры критики классического либерализма, сложившиеся как в западноевропейской, так и в русской политической теории во второй половине XIX – начале XX в. (например, А. Д. Градовский). К концу XX в. вектор поиска истоков марксистского консерватизма стал довольно активно перемещаться от феодальных конструкций и аллюзий, ассоциирующихся с трудами Ж. де Местра, Л. де Бональда и А. де Сен-Симона, в сторону классической античности (Д. Э. МакКарти) [22; 23].

### Библиографические ссылки

1. Wöhl A, Wydra H, editors. *Democracy and Myth in Russia and Eastern Europe*. London, New York: Routledge; 2008.
2. Хедлунд С. *Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала*. Автономов В, Автономов Н, переводчики. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2015.
3. Sorokin PA. *Russia and the United States*. New York: Routledge; 2017.
4. Sorokin PA. *The Crisis of Our Age*. Oxford: One World; 1992.
5. Fuller S. *The New Sociological Imagination*. London, Thousand Oaks, New Dehli: Sage Publications; 2006.
6. Lipset SM. *Political Man. The Social Bases of Politics*. Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins University Press; 1981.
7. Novak M. *The Spirit of Democratic Capitalism*. Lanham, New York: Madison Books; 1991.
8. Harrington M. *Socialism*. New York: Saturday Review Press; 1972.
9. Harrington M. *The Twilight of Capitalism*. London, Basing Stoke: The Macmillan Press; 1977.
10. Nisbet RA. *Tradition and Revolt. Historical and Sociological Essays*. New York: Vintage Books; 1970.
11. Ellul J. *The Technological Society*. New York: Vintage Book; 1964.
12. Elliott G. *Ends in Sight. Marx/Fukuyama/Hobsbawm/Anderson*. London, Ann Arbor, Toronto: Pluto Press; 2008.
13. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York, Toronto: The Free Press; 1992.
14. Арон Р. *Демократия и тоталитаризм*. Семёнов ГИ, переводчик. Москва: Текст; 1993.
15. Бурдые П, Шматко НА. *Социология политики*. Москва: Socio-Logos; 1993.
16. Aron R. *The Opium of the Intellectuals*. New York: The Norton Library. W.W. Norton and Company; 1962.
17. On Marxism, Christianity and Totalitarianism. An Interview with Leszek Kolakovsky. In: Maier H, editor. *Totalitarianism and Political Religions. Volume I. Concepts for the Comparison of Dictatorships*. London, New York: Routledge; 2004. p. 342–348.
18. Гоше М. Задачи политической философии. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2012;6(86):10–46.
19. Бердяев Н. *Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы*. Москва, Санкт-Петербург: Интерпринт; 1990.
20. Манхейм К. Консервативная мысль. В: Манхейм К. *Диагноз нашего времени*. Бергер ОЯ, ответственный редактор и составитель. Москва: Юрист; 1994. с. 572–670.

21. Kolakowski L. *Main Currents of Marxism. Its Rise, Growth, and Dissolution. Volume 1. The Founders*. Oxford: Clarendon Press; 1978.
22. Градовский АД. Общество и государство. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2002;3:58–78.
23. McCarthy GE. *Marx and the Ancients. Classical Ethics, Social Justice and 19<sup>th</sup> Century Political Economy*. Lanham: Rowman and Littlefield Publishers; 1990.

## References

1. Wöll A, Wydra H, editors. *Democracy and Myth in Russia and Eastern Europe*. London, New York: Routledge; 2008.
2. Hedlund S. *Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science: Approaches to Understanding Systemic Failure*. New York: Cambridge University Press; 2013.
- Russian edition: Hedlund S. *Nevidimye ruki, opyt Rossii i obshchestvennaya nauka. Sposoby ob'yasneniya sistemnogo prov-ala*. Avtonomov V, Avtonomov N, translators. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki; 2015.
3. Sorokin PA. *Russia and the United States*. New York: Routledge; 2017.
4. Sorokin PA. *The Crisis of Our Age*. Oxford: One World; 1992.
5. Fuller S. *The New Sociological Imagination*. London, Thousand Oaks, New Dehli: Sage Publications; 2006.
6. Lipset SM. *Political Man. The Social Bases of Politics*. Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins University Press; 1981.
7. Novak M. *The Spirit of Democratic Capitalism*. Lanham, New York: Madison Books; 1991.
8. Harrington M. *Socialism*. New York: Saturday Review Press; 1972.
9. Harrington M. *The Twilight of Capitalism*. London, Basing Stoke: The Macmillan Press; 1977.
10. Nisbet RA. *Tradition and Revolt. Historical and Sociological Essays*. New York: Vintage Books; 1970.
11. Ellul J. *The Technological Society*. New York: Vintage Book; 1964.
12. Elliott G. *Ends in Sight. Marx/Fukuyama/Hobsbawm/Anderson*. London, Ann Arbor, Toronto: Pluto Press; 2008.
13. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York, Toronto: The Free Press; 1992.
14. Aron R. *Démocratie et totalitarisme*. Paris: Gallimard; 1965.
- Russian edition: Aron R. *Demokratiya i totalitarizm*. Semenov GI, translator. Moscow: Tekst; 1993.
15. Bourdieu P, Shmatko NA. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Moscow: Socio-Logos; 1993. Russian.
16. Aron R. *The Opium of the Intellectuals*. New York: The Norton Library. W.W. Norton and Company; 1962.
17. On Marxism, Christianity and Totalitarianism. An Interview with Leszek Kolakovsky. In: Maier H, editor. *Totalitarianism and Political Religions. Volume I. Concepts for the Comparison of Dictatorships*. London, New York: Routledge; 2004. p. 342–348.
18. Gauchet M. [The Tasks of Political Philosophy]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Emergency ration. debate on politics and culture]. 2012;6(86):10–46. Russian.
19. Berdyaev N. *Novoe srednevekov'e. Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy* [New Middle Ages. Thinking about the fate of Russia and Europe]. Moscow, Saint-Petersburg: Interprint; 1990. Russian.
20. Mannheim K. [Conservative thought]. In: Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time]. Berger OYa, editor and completion. Moscow: Yurist; 1994. p. 572–670. Russian.
21. Kolakowski L. *Main Currents of Marxism. Its Rise, Growth, and Dissolution. Volume 1. The Founders*. Oxford: Clarendon Press; 1978.
22. Gradovskii AD. [Society and the State]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2002;3:58–78. Russian.
23. McCarthy GE. *Marx and the Ancients. Classical Ethics, Social Justice and 19<sup>th</sup> Century Political Economy*. Lanham: Rowman and Littlefield Publishers; 1990.

Статья поступила в редколлегию 04.05.2018.  
Received by editorial board 04.05.2018.